

DOI: 10.15643/libartrus-2020.1.2

Постнеклассическая философия: постмодернистская «деконструкция» и рациональная реконструкция истории науки

© Л. Б. Султанова

Башкирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, улица З. Валиди, 32.

Email: slinera@inbox.ru

В статье анализируются вопросы методологии постнеклассической философии. В центре внимания автора находятся постмодернистская «деконструкция» и рациональная реконструкция истории науки. Автор стремится выявить сходство и различие этих методологий. Постмодернистская «деконструкция» представляет собой базовую методологию постмодернизма, разработанную для «ликвидации» классической философской установки. В целом «деконструкция» является иррационалистической и носит негативный характер. Рациональная реконструкция истории науки применяется в области философии и методологии науки для построения концепций развития науки. Основная цель при этом – открытие и обоснование основных закономерностей в развитии науки. Методология контрпримеров и методология неявного знания, примененные к истории математики как дополнительные приемы, позволяют при этом уточнить математические доказательства и теоремы, а также получить прирост математического знания на основе экспликации скрытых лемм. Автор обосновывает, что «методология неявного знания» имеет явные преимущества, поскольку в отличие от «методологии контрпримеров» позволяет сохранить и укрепить дедуктивный статус математики.

Ключевые слова: *постнеклассическая методология, «тоталитаристский» дискурс, классическая философская установка, проблема истины, философский рационализм, диалектический материализм, рациональная реконструкция истории математики, прирост научного знания, математический квазиэмпиризм, дедуктивизм, неявное знание.*

Базовой стратегией постмодернизма как основного направления современной зарубежной философии является «деконструкция». Такой подход разработан преимущественно для интерпретации текстов классической философии, в целях «разоблачения» их авторов в разработке и обосновании так называемых «тоталитаристских» дискурсов, т.е. дискурсов, ведущих, по мнению постмодернистов, к однозначно доказуемой, т.е. научной, истине. В итоге развития ориентированной таким образом философии, по мнению постмодернистов, как раз и формируется «тоталитаристский» дискурс, порождающий «тоталитарное общество». При этом все критические рассуждения постмодернистов разворачиваются в парадигме философии языка, преимущественно в соединении с какими-либо методиками психоанализа. Как считают постмодернисты, «тоталитаристский» дискурс порождает классическая философская установка, берущая начало в работах Декарта, затем получившая новый импульс в работах Канта и Гегеля и полностью оформившаяся в работах позитивистов двадцатого столетия как аналитическая философия. Однако какого-либо более или менее точного и, тем более, однозначного определения «деконструкции» в постмодернизме не дается. Французский философ Ж. Деррида,

внедривший этот термин в современную философию, также такого определения не предлагает. «Деконструкция» в этом смысле представляет собой некоторый методологический прием, который, вообще говоря, может применяться в различных контекстах.

Само понятие «деконструкции» сформировано в работах Деррида на основе хайдеггеровского понятия «деструкции» классической онтологии, которая, по мысли Хайдеггера, должна быть проведена «с прицелом на вопрос о смысле бытия» [1, с. 52]. Фактически Хайдеггер для современной ему философии ставил задачу «разрушения традиционной онтологии» [1, с. 52], как он отмечает, для «улучшения» Аристотеля, и, прежде всего, для понимания категории времени как фундаментальной. В дальнейшем хайдеггеровская «деструкция» трансформировалась в «деконструкцию» Деррида и стала рассматриваться как базовая методология постмодернизма.

При этом трансформировалась и задача философии этого исторического периода и стала рассматриваться уже как задача вскрывать и «разоблачать» эти самые «тоталитаристские» идеи, или предпосылки «тоталитаристских» идей, при «деконструкции» философских классических текстов. В результате выполнения этой постмодернистской задачи должна была быть получена новая интерпретация классической философии именно как источника тоталитаризма, что позволило бы объяснить возникновение фашистской идеологии особенностями классической философии и из классической философии. Это, в свою очередь, позволило бы переложить на классиков всю ответственность за возникновение и распространение фашистской идеологии, в результате отказ от классического наследия выглядел бы как нечто само собой разумеющееся.

Однако даже при беглом знакомстве с классической философией практически очевидно, что изначально классические философские тексты в теории познания создавались в контексте познания внешнего мира с целью разработки критериев истинности утверждений о внешнем мире. В этих текстах разрабатывались и обосновывались основные принципы и категории новой формы познания, которая бы гарантировала получение истинного знания на основе дедукции как метода полного и окончательного доказательства выдвигаемых утверждений. Эта новая форма познания впоследствии стала широко известной под названием науки. Ничего подобного ранее, в схоластике, не было, и это была совершенно новая стратегия поиска истины – стратегия рационализма, в которой разум опирался на свои внутренние ресурсы. Исторически, в процессе развития рационализма, критика положений классической философии его продолжателями также имела место, но тоже исключительно в контексте стремления к получению истинного знания, т.е. в том же контексте, в котором исторически и создавались анализируемые тексты. Например, разработка новой теории познания Кантом осуществлялась на основе критики работ Декарта. Более того, и сама наука как форма познания развивалась на основе критики и развития работ Декарта и других критических рационалистов. В наши дни наука является основной формой познания.

Что касается «борьбы с тоталитаризмом», декларируемой постмодернистами, то, вникая в суть «деконструкции» и опираясь на работы постмодернистов, мы приходим к выводу о том, что этот контекст был буквально навязан классической философии постмодернистами, причем навязан с целью снять ответственность за идеологию европейского фашизма с основных идеологов постнеклассической философии, исторически как раз за нее ответственных (Ницше, Хайдеггер), и попытаться переложить эту ответственность на классическую философию – причем не просто на уровне какого-либо опосредованного влияния каких-либо

маргинальных направлений, а полной ответственности, так сказать, не только за «букву», но и за «дух» фашистской идеологии.

Представляется, что никакой иной цели, кроме этой цели «разоблачения» классической философии как источника тоталитаризма, такая интерпретация не имела. В этом и заключается основная методологическая специфика постмодернистской «деконструкции». Понятно, что конкретные «деконструкции» при этом «разоблачают» конкретные идеи и «обличают» конкретных авторов, а контекст зарубежной философии в двадцатом веке и, прежде всего, во второй его половине вполне убедительно демонстрирует, что эта задача, к сожалению, как говорится, с «легкой» руки Хайдеггера была блестяще решена.

Классическая философия была объявлена источником тоталитаризма, и, по этой причине, классическая философская парадигма постмодернистами была отброшена принципиально, полностью и навсегда. Понятно, правда, что уже совершенно «вычистить» классику из постмодернистского контекста было невозможно, и мы видим блестящее ее обсуждение на основе методологии «деконструкции» в работах, прежде всего, Ж. Деррида. Но этот отрадный факт общей картины, к сожалению, не меняет. Практически все работы постмодернистов, за исключением разве что работ самого Деррида, какими бы новаторскими и содержательными они не являлись бы по сути, на деле подчинены решению задачи ликвидации классического дискурса. А раз классический дискурс, ведущий к истине, с точки зрения постмодернистов, является тоталитаристским уже сам по себе, поскольку обладание истиной дает ее обладателям неоспоримое и существенное преимущество над другими людьми, позволяя тем самым диктовать им свои условия, то любая идеология, основанная на таком дискурсе, с точки зрения постмодернистов, непременно будет тоталитаристской. А это в дальнейшем вполне может привести к возникновению на основе этой идеологии тоталитаристского режима и тоталитарного государства. Единственное спасение, с точки зрения постмодернистов – это тотальная ликвидация классической парадигмы и «деконструкция» классических философских текстов. И, разумеется, прежде всего, это элиминация категории истины из проблематики философских исследований.

При этом, как мы видим, в философии и методологии науки постмодернистская «деконструкция» не применяется – ни в отечественной, ни в зарубежной философии. Правда, метафизический фундамент из проблемы истины также изымается, и в зарубежной философии науки проблема истины ограничивается пределами философии языка. В этот период в зарубежной философии науки в основном господствует аналитическая традиция, а исследуются преимущественно проблема сознания и методология искусственного интеллекта. В отечественной философии, на основе диалектического материализма и философского рационализма, применяются другие методологии и эвристики, можно сказать, лишь частично сходные с методологией постмодернистской «деконструкции». Это, прежде всего, рациональная реконструкция истории частных наук, конкретным примером которой является рациональная реконструкция истории математики, разработанная и успешно примененная в свое время И. Лакатосом.

Если рассматривать такие науки, как математика и физика, то следует учитывать, что результатом рациональной реконструкции истории математики или физики, или отдельных событий этой истории, являются не только новая концепция развития математики или физики, или науки в целом, но и прирост собственно самого математического или физического знания. Особенно ярко это проявляется в рамках математического контекста. В современной научно-

философской литературе обосновано [2], что прирост знания при этом достигается в результате экспликации неявных элементов доказательств математических теорий, что является важнейшим вкладом в повышение уровня строгости как отдельных важнейших математических теорий, так и собственно самой математической науки. А это способствует повышению надежности математической науки в целом, а также укрепляет статус и значение науки как единственной доказательной формы познания. В принципе этот вопрос в современной отечественной философии и методологии математики достаточно разработан [2, 3].

Что касается «деконструкции» как именно постмодернистской методологии, то результатом ее последовательного применения может быть лишь обратное – т.е. понижение статуса и значения науки как формы познания. Во всяком случае применение постмодернистской методологии, которая отбрасывает «логоцентризм» как тоталитаристскую программу и вслед за этим и философскую проблему истины, вряд ли годится для исследования проблем философии науки в любом виде и на любом уровне. Примененная в контексте постмодернизма даже такая методология, как рациональная реконструкция истории науки, например, математики, не рассматривающая возможность получения прироста знания как одну из обязательных целей, может давать основания для, так сказать, «постмодернистски-деконструктивистских» выводов. Что мы и видим у самого И. Лакатоса, в его широко известной работе по философии математики «Доказательства и опровержения» [4], где он в итоге приходит к необходимости отказа от математического дедуктивизма и к необходимости сближения математики и естественных наук в аспекте признания тождественности роли контрпримеров в обосновании конкретных естественно-научных и математических теорий. Однако сам феномен экспликации «скрытых лемм» в математике можно объяснить без учета «методологии контрпримеров», на основе применения методологии «неявного знания» в отечественных исследованиях в области философии математики. Дело здесь в том, что для уточнения формулировок математических теорем на основе исторической экспликации скрытых лемм в математических доказательствах, в принципе, никаких контрпримеров не нужно – достаточно парадигмального изменения гносеологической установки математического познания с «творческой» на «критическую» [5, с. 172, 195]. Кроме того, всегда следует учитывать, что в математике обнаружение «неявных лемм» в результате появления контрпримеров ведет лишь к уточнению формулировок доказываемых конкретных утверждений, а не к их элиминации или к изменению контекста (парадигмы) научного исследования, как в естественных науках. Поэтому можно утверждать, что методологии неявного знания, по крайней мере, не уступают методологии контрпримеров. При этом дедуктивный статус математики остается нерушимым, поскольку математика герметична как теория, исторически формирующаяся посредством аксиоматического метода.

Думается все же, что если у нас есть возможность выбирать, по каким методологическим правилам выстраивать историко-философское или научно-философское исследование, то более целесообразно ориентироваться на такую методологию, которая приведет нас к укреплению статуса науки как единственной доказательной формы познания и к росту обоснованного знания. И это следует учитывать, прежде всего, в математическом познании, поскольку именно математическая наука имеет приоритетное значение в обосновании любых современных естественно-научных теорий, а математическая гипотеза на сегодняшний день является важнейшим методом развития современного естествознания.

Представляется, что, с точки зрения общей эффективности и значимости получаемых результатов, современную фундаментальную науку может заинтересовать реконструкция

истории науки, и реконструкция, по возможности, рациональная. Дело в том, что прирост научного знания, который обеспечивает рациональная реконструкция истории науки, достигается реконструкцией предпосылочного уровня естественно-научного знания. А в современной науке сегодня, т.е. в условиях продолжающегося поиска единой квантовой парадигмы, вообще говоря, также необходим, как и на предыдущих этапах развития естествознания. Однако вследствие необходимости исследования научных проблем на границе возможностей человеческого восприятия и мышления, как это обосновывает современная методология научного знания, сегодня искомым прирост научного знания достигается ценой уже гораздо больших усилий. Поэтому рациональная реконструкция истории науки, позволяющая получить и прирост собственно самого научного знания, безусловно, востребована. И если в ней при скрупулезном изучении можно обнаружить сходство с постмодернистской «деконструкцией», это еще не означает, что фундаментальные основания самой науки как формы познания при ее применении подвергаются опасности.

Однако чтобы разобраться, насколько рациональная реконструкция истории науки методологически близка постмодернистской «деконструкции», необходимо исследовать базовые принципы и основания методологии рациональной реконструкции истории науки. Сходство здесь заключается преимущественно в том, что «деконструкция» методологически есть такая же интерпретация, как и реконструкция. Фундаментальное различие «реконструкции» и «деконструкции» проявляется уже на лингвистическом уровне и состоит в том, что «деконструкция» в целом имеет негативный характер и, действительно, постмодернистская «деконструкция» предполагает ликвидацию классики. А рациональная «реконструкция» истории науки предполагает дальнейшее развитие науки. Это означает, что какое-либо сближение постмодернистской «деконструкции» и конкретно методологии рациональной реконструкции истории науки полезно исключительно в методологическом отношении для понимания наличия парадигмальной общности всех направлений развития постнеклассической философии и теории познания – как в зарубежной, так и в отечественной философии и методологии науки.

В целом основной задачей постпозитивизма в философии науки была разработка концепций и теорий исторического развития науки и выявление закономерностей этого развития. Сама методология рациональной реконструкции истории науки в общих чертах была разработана И. Лакатосом. Можно считать, что эта методология представляет собой направление в историко-научном эволюционизме философии науки, основателем которой является К. Поппер. И. Лакатос обратил внимание на то, что для разработки эффективных концепций и теорий развития науки необходимо установление тесной связи истории науки с философией науки. В самом деле, исторические факты развития любой научной дисциплины имеют значение только при условии их интерпретации в свете какой-либо философской гипотезы, выражающей основную закономерность развития этой дисциплины. В выдвижении и развитии такой философской гипотезы, по сути, и заключается основная задача рациональной реконструкции истории отдельных научных дисциплин. При этом разрабатываемая концепция развития науки не должна противоречить историческим фактам, иначе она не будет иметь научного значения. Философская гипотеза в таком исследовании, в случае его успешного завершения, приобретает статус закономерности развития науки или конкретного научного направления. А именно – обнаружение закономерностей в развитии науки и является важнейшей целью философии и методологии науки.

Очевидно, что любая новая эффективная и обоснованная концепция развития науки увеличивает наше знание о природе науки и делает более объемным наше понимание ее специфики. Особый статус математики в системе научного знания придает особое значение и исследованиям в области истории математики, поэтому, как представляется, всегда актуален поиск опорной философской гипотезы для построения концепции развития математики.

По И. Лакатосу, такой опорной методологической предпосылкой является «методология контрпримеров», разработанная для естествознания К. Поппером. Поскольку такие контрпримеры не могут быть выявлены дедуктивным образом, И. Лакатос получил, вроде бы, обоснованный повод для защиты идеи «математического квазиэмпиризма», а в итоге – и для пересмотра дедуктивного статуса математики на основе сближения математики с естественными науками. Однако методология неявного знания, не апеллирующая к «контрпримерам» по типу естественных наук, что мы видим у И. Лакатоса, фактически решает задачу повышения уровня теоретической строгости в математике, не подвергая сомнениям дедуктивный статус математической науки. Поэтому, как представляется, никакой особой почвы для развития «математического квазиэмпиризма» все-таки не существует. При этом именно методология неявного знания, скорее всего, должна рассматриваться как основная базовая философская предпосылка для проведения рациональной реконструкции истории математики.

Понятно, что такой подход имеет определенное сходство с постмодернистской методологией «деконструкции». Такое сходство состоит в том, что проводится пересмотр сложившегося и обоснованного математического контекста с целью поиска «скрытых лемм». Эта цель вполне вписывается в традицию рационализма, хотя наличие таких предпосылок ему в корне противоречит, что сближает методологию неявного знания с неклассической наукой, и, следовательно, мы получаем внятный повод для вывода об определенном сближении рациональной реконструкции в математике, проводимой на основе методологии неявного знания, с постмодернистской «деконструкцией». Однако никаких выводов о возрождении на этой основе «математического квазиэмпиризма», что провозглашал И. Лакатос на основе попперовской «методологии контрпримеров», из применения методологии неявного знания при проведении рациональной реконструкции истории математики, ни в коем случае и ни при каких условиях не следует, что, безусловно, имеет положительное значение как для развития математики, так и для развития науки в целом.

Заключение

1. Методология постмодернизма на основе идеи «деконструкции» разрабатывалась для ликвидации классической философской традиции на основе критической интерпретации классических текстов с позиции иррационализма как фундаментальной основы неклассической философии. Понятно, что такая интерпретация была практически «навязана» классической философии, которая исторически разрабатывалась на основе рационалистического подхода. Целью при этом был поиск в классических текстах предпосылок, которые могли быть истолкованы как основания для возможного формирования в будущем тоталитаристской идеологии. В зарубежной постнеклассической философии и методологии науки тенденции постмодернизма проявлялись исключительно в виде эмпиризма, и с 40-х гг. двадцатого века зарубежная философия и методология науки развивались в парадигме инноваций аналитической философии. При этом ставилась задача разработки концепций развития науки, которая реализовывалась уже в постпозитивистский период, т.е. на протяжении последней четверти

двадцатого века. Наиболее интересной в этом плане представляется разработанная И. Лакатосом методология рациональной реконструкции истории науки.

2. Ценность методологии рациональной реконструкции истории науки заключается в возможности установления закономерностей развития науки, а также в получении на этой основе прироста собственно научного знания. Это важно, поскольку сегодня вследствие необходимости исследования научных проблем в пределах квантовой парадигмы, т.е. практически на границе возможностей человеческого восприятия и мышления, прирост научного знания достигается ценой уже гораздо больших усилий. И методология, позволяющая получить прирост собственно самого научного знания, может быть востребованной. И если в ней при скрупулезном изучении можно обнаружить определенное сходство с постмодернистской «деконструкцией», это еще не означает, что фундаментальные основания самой науки как формы познания при применении такой методологии подвергаются опасности.

3. Рациональная реконструкция истории математики, проведенная И. Лакатосом, позволила выявить важнейший феномен «скрытых лемм» в математических доказательствах, что существенно обогатило и обновило научное представление о природе математического мышления и формировании математических инноваций. Но поскольку научные исследования велись И. Лакатосом с учетом «методологии контрпримеров» в парадигме эмпиризма, в целом чуждого математической науке, его выводы в целом приобрели негативный характер, поскольку были истолкованы И. Лакатосом как «математический квазиэмпиризм», что фактически разрушало дедуктивный статус математики.

4. Развитие отечественной философии и методологии науки начиная с 60-х гг. прошлого столетия осуществлялось в творчески развиваемой исследователями парадигме диалектического материализма. В философии математики такой подход позволил избежать эмпирицистских отклонений. Например, методология неявного знания, примененная при разработке концепции развития математики на основе рациональной реконструкции истории математики, позволяет объяснить экспликацию «скрытых лемм» без учета «методологии контрпримеров» на основе исторического повышения уровня теоретической строгости математики в результате смены познавательной установки с «творческой» на «критическую». Поэтому именно методология неявного знания, скорее всего, должна рассматриваться как основная базовая философская предпосылка для проведения рациональной реконструкции истории математики.

Литература

1. Деррида Ж. Ousia и gramme. Примечание к одному примечанию из «Sein und Zeit» // *Поля философии*. М.: Академический проект, 2012. С. 52–94.
2. Султанова Л. Б. Роль неявных предпосылок в историческом обосновании математического знания // *Вопросы философии*. 2004. №4. С. 102–114.
3. Перминов В. Я. *Развитие представлений о надежности математического доказательства*. М.: изд-во МГУ, 1986. 239 с.
4. Лакатос И. *Доказательства и опровержения*. М.: Наука, 1967. 152 с.
5. Султанова Л. Б. *Неявное знание в развитии математики*. Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. 260 с.

Поступила в редакцию 05.02.2020 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2020.1.2

Post-non-classical philosophy: postmodern “deconstruction” and rational reconstruction of the history of science

© L. B. Sultanova

*Bashkir State University
32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

Email: slinera@inbox.ru

The article analyzes the issues of the methodology of post-non-classical philosophy. The author focuses on the postmodern “deconstruction” and the rational reconstruction of the history of science. The author seeks to identify the similarities and differences between these methodologies. Postmodernist “deconstruction” represents the basic methodology of postmodernism, designed to “eliminate” the classical philosophical context. In general, “deconstruction” is irrational and negative. Rational reconstruction of the history of science is used in the field of philosophy and methodology of science to build concepts for the development of science. The main goal in this case is the discovery and justification of the basic laws in the development of science. The methodology of counterexamples and the methodology of implicit knowledge, applied to the history of mathematics as additional methods, make it possible to clarify mathematical proofs and theorems, as well as to obtain an increase in mathematical knowledge based on the explication of hidden lemmas. The author substantiates that the “methodology of implicit knowledge” has obvious advantages, because unlike the “methodology of counterexamples” it allows preserving and strengthening the deductive status of mathematics. The main findings of the article are summarized in the Conclusion.

Keywords: post-non-classical methodology, “totalitarian” discourse, classical philosophical context, the problem of truth, philosophical rationalism, dialectical materialism, rational reconstruction of the history of mathematics, growth of scientific knowledge, mathematical quasi-empiricism, deductivism, implicit knowledge.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Sultanova L. B. Post-non-classical philosophy: postmodern “deconstruction” and rational reconstruction of the history of science // *Liberal Arts in Russia*. 2020. Vol. 9. No. 1. Pp. 16–23.

References

1. Derrida Zh. *Polya filosofii*. Moscow: Akademicheskii proekt, 2012. Pp. 52–94.
2. Sultanova L. B. *Voprosy filosofii*. 2004. No. 4. Pp. 102–114.
3. Perminov V. Ya. *Razvitie predstavlenii o nadezhnosti matematicheskogo dokazatel'stva [The development of ideas about the reliability of mathematical proof]*. Moscow: izd-vo MGU, 1986.
4. Lakatos I. *Dokazatel'stva i oproverzheniya [Proofs and refutations]*. Moscow: Nauka, 1967.
5. Sultanova L. B. *Neyavnoe znanie v razvitii matematiki [Implicit knowledge in development of mathematics]*. Ufa: RITs BashGU, 2009.

Received 05.02.2020.